

Паверти-бей, декабрь 1867 года

Вся деревня пребывала в ожидании грандиозной церемонии. Вождь Ране Канахау сидел на троне из пальмовых листьев и с довольным видом наблюдал за деятельной подготовкой к торжественному празднеству, посвященному старшей дочери. Он сам протянул тохунгата-моко, татуировщикам, око — украшенную деревянную шкатулку, в которой хранились красители из авхето и нгареху, передававшиеся из поколения в поколение. Моко ни с чем нельзя было спутать.

Татуировщики, двое пожилых мужчин, уже нанесли вождю знак власти на его лицо и бедро. Тот очень гордился неповторимыми узорами. По знаку моко каждый мог понять, что он не просто вождь, но великий правитель. Этот день был совершенно особенным. Как же Канахау хотелось иметь сына, которому он мог бы оставить трон! Но бог плодородия отказал вождю и его жене в исполнении этого желания. Подарил лишь двух дочерей. Теперь Канахау надеялся только на старшую дочь, которая не уступала юношам ни в охоте, ни в рыбалке. Если бы она не выглядела как девушка, Канахау мог бы подумать, что вырастил сына. Она казалась дикой и стремительной. Настоящая воительница. Вождь вспомнил о нападении врагов, случившемся несколько лет назад. Ахоранги тогда было одиннадцать, но она сражалась наравне с мужчинами. Он гордился ее храбростью, но теперь пришло время, и дочь должна исполнить свой

женский долг. Сегодняшняя церемония посвящалась ее бракосочетанию.

Хеху, жених, с детских лет был другом Ахоранги. Хеху — сын одного из вождей, присягнувших на верность Канахау, — почти все время проводил с ней. Состязания между ними происходили легендарные! Они мерялись силами как братья, даже в традиционных боях с палками, когда мужчины сражались один на один. Хеху нравилась принцесса, и это не укрылось от отцовского глаза. Молодой человек был вне себя от радости, когда Канахау предложил ему взять в жены свою дочь в день татуировки. Ахоранги же, напротив, отреагировала на это вспышкой гнева. Она ни в коем случае не хотела становиться женой. Однако отец убедил ее, что свадьба — дело решенное. С того времени его дочь ходила по деревне с мрачным видом. Никто не отваживался говорить с ней, и Ахоранги не достаивала своего друга Хеху даже взглядом. Вождю было жаль парня. Тот снова и снова искал близости с Ахоранги, но постоянно получал отпор.

Канахау глубоко вздохнул, когда его взгляд остановился на гордом и отстраненном лице старшей дочери. Он любил ее всем сердцем, намного больше, чем младшую на год Харакеке, упрямство которой тоже доставляло немало хлопот. Сможет ли Хеху совладать с таким диким нравом? Но еще больше, чем сопротивление дочери браку, вождя волновало ее отвращение к моко. Она молилась, чтобы ее лицо не покрыли символами их предков. Она бы еще согласилась нанести татуировки на ноги, тогда бы никто с первого взгляда не смог распознать ее высокое происхождение.

Но именно для того и наносятся татуировки! Моко должно было украсить ее подбородок.

«Я буду выглядеть как бородатый мужчина», — заявила она отцу. «Ты же всегда хотела выглядеть как па-

рень», — ответил он, но дочь не могла смириться с предстоящим. И то, что она произнесла потом, не давало покоя Канахау даже сейчас, в этот праздничный момент, который отделял Ахоранги от торжественного посвящения. Она с вызовом спросила отца: «Почему у англичанок нет на лице моко?» Она не сомневалась, что пакеха в этом вопросе намного цивилизованнее маори. Ее слова ранили Канахау до глубины души. Он не видел, в чем белые превосходят его народ.

Канахау глубоко вздохнул и попытался расслабиться, откинувшись на спинку трона. Чего он боится? Ведь ничего не может произойти!

Молодые воины из племен Хеху и Канахау готовы были к хака — ритуальному танцу маори, с которого начиналось посвящение Ахоранги. Татуировщики уже раскладывали инструменты перед принцессой. Это были скребки, сделанные из костей альбатроса. Канахау с гордостью подумал, что вскоре нежная кожа его дочери покроется шрамами и огрубеет. Вождю не нравилась бархатная кожа женщин пакеха, он не понимал, как может нравиться такое светлое и гладкое лицо. Когда дочери нанесут знак принцессы маори, в будущем ей наверняка больше не придут в голову такие глупые сравнения. Так, во всяком случае, Канахау думал в тот миг.

Женщины хором затянули песню. Их голоса, заполнившие возвышенность, уносились далеко в море.

Канахау украдкой смахнул слезу из уголка глаза. Как сильно скучал он по жене, умершей почти год назад! Как бы она гордилась, если бы могла видеть, что ее буйную дочь обуздали и научили с уважением относиться к ритуалам предков! Если бы мать была жива, возможно, она поддержала бы Ахоранги и дочь не стала бы выходить замуж и наносить татуировки. А если бы все было по воле Канахау, этот день отпраздновали бы еще два года назад.

Но его жена всегда заступалась за дочь и переубеждала мужа. Ихапера умоляла мужа, чтобы ритуал произошел после шестнадцатилетия дочери. Тем временем Ахоранги исполнилось семнадцать, и она казалась отцу зрелой, словно батат, который слишком долго лежал в кладовой.

Канахау захотел в последний раз взглянуть на чистое детское лицо. Дочь удивительно походила на мать. Когда он подумал об этом, то вспомнил, как в свое время резко отреагировал его отец на то, что сын решил жениться на «узколицей» — так он всю жизнь называл невестку. Канахау удивительно привлекали именно эти, нетипичные для маори черты лица. Но у Ихаперы была татуировка на подбородке, и жена носила ее с гордостью. Именно на подбородке тахунгата-моко будут делать татуировку его дочери.

Вдруг пение женщин прекратилось, раздались громкие крики. Канахау испуганно взглянул на дочь. Группа всадников прокладывала себе путь сквозь толпу визжащих женщин. Откуда взялись эти мужчины, знали лишь боги. Вождь все еще не до конца осознал происходящее. И только когда один из мужчин схватил его дочь Харакеке и взвалил на лошадь, Канахау понял: это нападение. Он слышал, что охочие до любви поселенцы воруют женщин-маори. Но как они осмелились напасть на его деревню, да еще в такой день?!

Канахау встал и подал знак воинам, которые ожидали своего часа, чтобы станцевать хака. Они должны были защититься от чужаков. С боевым кличем воины бросились на пакеха и повергли их в бегство. Разразившись проклятиями, те пустили лошадей галопом. Канахау тоже ринулся в суматоху боя и уже готов был настичь последнего из нападавших, как испуганный крик заставил его обернуться.

У вождя перехватило дыхание. Место, на котором только что сидела его любимая дочь Ахоранги, заполни-

лось облаком пыли, поднятой копытами лошади. Когда пыль рассеялась, вождь увидел пустой трон и издал пронзительный вопль.

Поезд в Нейпир, декабрь 1930 года

Вначале Ева зачарованно смотрела из окна вагона. Настолько девственного пейзажа она никогда прежде не видела. До вчерашнего дня она редко уезжала из Баденхайма, этого маленького пфальцского мирка с невысокими холмами и виноградниками, которые тянулись, сколько хватало глаз. Она всегда хотела когда-нибудь сбежать отсюда, но как быстро ее потаенные мечты могут воплотиться в жизнь, даже не подозревала.

Все случилось четыре месяца назад. Вряд ли она сможет вычеркнуть из памяти вечер, когда отец, сидя с ней при свечах, рассказывал о своем намерении. Она никогда не забудет, как мать восприняла новость об их скором отъезде. Ева привыкла, что мать иногда часами может сидеть в кресле и мрачно смотреть в одну точку. Но мать и не вскрикнула, узнав, что им со дня на день придется покинуть родину. Это очень удивило Еву.

Сама она едва могла скрыть восторг от предстоящего путешествия. Америка была чем-то большим, на что она даже не смела надеяться. Но вскоре ее радости пришел конец: отец хотел взять с собой лишь ее брата Ганса. Его душевнобольная жена и темпераментная дочка должны были отправиться в Новую Зеландию к какой-то кузине.

— Ваш билет, пожалуйста! — английская речь вырвала ее из воспоминаний.

Ева вздрогнула и начала искать билет, роясь в кармане. Она его купила на последние деньги, которые мать припасла ей для путешествия на корабле. Еву должны были встретить в Окленде. Но после того, как она в полном